

культурой—напр. древніе эллины—имѣть классическое искусство, классическую поэзію; знакомство съ чужой культурой производит такое впечатлѣніе, какъ пейзажъ, разсматриваемый сквозь цветное стекло, и приноситъ съ собою страсть къ новизнѣ, искаженіе приключеній». Французскихъ романтиковъ плѣняло въ англійской и нѣмецкой литературѣ именно то, чего не было до тѣхъ поръ въ французской—господство конкретныхъ элементовъ, изображеніе жизни en bloc, во всей ея сложности, а не въ абстракціяхъ и упрощенныхъ формахъ. Минувшій вѣкъ былъ вѣкомъ рационализма; по закону реакціи, за нимъ должна была послѣдовать эпоха чувства, на мѣсто примѣнимыхъ ко всему обобщеній должна была стать историческая истина. Полное отрѣшеніе отъ національнаго характера, отъ вѣковыхъ привычекъ оказалось, однако, невозможнымъ. Французскій романтизмъ отличается отъ нѣмецкаго во-первыхъ своими революціонными замашками, во-вторыхъ потребностью въ полководцѣ, въ ассоціаціи, въ дисциплинѣ. Молодежь, ниспровергающая всѣ рамки, не признающая никакихъ границъ, проникнута восторженною преданностью своему вождю, полнымъ уваженіемъ къ его свитѣ, горячимъ сочувствіемъ другъ къ другу. Всѣ въ этомъ лагерѣ помогаютъ, рукоплещутъ одинъ другому; Эмиль Дешанъ знакомитъ Гюго съ испанской литературой, Готье пишетъ сонеты для романовъ Балзака, Сентъ-Бѣвъ исправляетъ рукописи Ж. Занда; кульминаціонной точкой товарищеской солидарности служитъ знаменитая молодая гвардія Гюго, безкорыстно и усердно исполняющая обязанности кланки на представленіяхъ «Эрнани». Къ литературному союзу примыкаютъ и другіе искусства. Что Гюго для поэзіи, то Делакруа—для живописи, Берліозъ и Шопенъ—для музыки, Давидъ—для скульптуры, Фредерикъ Леметръ и Марія Дорваль—для сцены. Готье, Мериме, самъ Гюго учатся рисовать; ученики Деверіа или Делакруа декламируютъ за работой баллады Гюго. Границы между искусствами начинаютъ колебаться; музыка, у Берліоза или Фелисьена Давида, приближается къ живописи, живопись задается задачами поэзіи. Это золотое время продолжается недолго—но оно сообщаетъ первымъ годамъ французскаго романтизма ту своеобразную прелесть, которая свойственна разсвѣту дня или жизни—утренней зарѣ или ранней молодости.

Брандесъ указываетъ еще одну черту различія между французскимъ и нѣмецкимъ романтизмомъ. Если понимать подъ романтикой преобладаніе содержанія надъ формой, т. е. содержаніе,